

СЛОВОЕСНОСТЬ.

ПРОМАЧЬ.

Сочин. Жоржа Занда.

«Ничь никого, кто бы не со-
ставлял себя извального Фауста,
извального Дев-Жуана, из-
вального Мавриля или из-
вального Гамбата, сна, воче-
рошь, въ словояныхъ туалетахъ,
порядь капроронъ.»

ДѢЙСТВУЮЩАЯ ЛНА.

Альдо, рыцарь.
Мэгъ, вѣдьма.
Жива, молодая посланца.
Королева Агандика.
Тика, карликъ-король.
Апронзонъ, астрологъ-король.

(Сцена происходитъ въ Итотъ.)

ДѢЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Ковчегъ на чердакѣ; въ глубинѣ сцены дѣвушка
идеть въ полати; на серединѣ сцены, скамья,
несколько книгъ. Ночь.

Альдо, Тика.

(Альдо сидитъ, обомлывая на столъ, и закрываетъ
голову руками. Стучитъ въ дверь.)

Альдо. — Кто тамъ?

Тика, за дверями. — Вашъ покорнѣйшій
слуга.

Альдо. — Кто?

Тика. — Другъ вашъ.

Альдо. — Чортъ васъ возьми, плутъ!

Тика. — Нисколько; выхъ другъ и слуга.

Альдо. — Вѣрно вы хотите меня оборвать;
зпрочька, на этоть счетъ я не безпокоюсь.

Войдите.

Тика. — Позвольте васъ объять.

Альдо. — Позвольте поставить васъ на столъ.

Тика, въ столъ. — Какъ ваша адорная
съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видѣлись?

Альдо. — То хорошо, то дурно. Много
случилось вещей послѣ того, какъ я имѣлъ
честь видѣть васъ.

Тика. — Въ-самомъ-дѣлѣ?

Альдо. — Честное слово: но рассказывать
обо всемъ было бы слишкомъ-долго. Съ того
времени прошло около двадцати лѣтъ, пото-
му что знакомство наше началось въ другомъ
мѣрѣ.

Тика. — Правда?

Альдо. — Безъ сомнѣня, потому-что я неко-
гда еще не имѣлъ чести встрѣтить васъ
въ дѣтствѣ...

Тика. — Какъ, вы не видите меня? Вы
никогда не видѣли меня?

Альдо. — Какъ-же, конечно, нѣтъ, мой лю-
бимый.

Тика. — Но откуда вы пришли? гдѣ вы
живете?

Альдо. — На чердакѣ; а вы?... Судя по
вашей тайнѣ, вы жили нахъ мышинной норкѣ.

Тика. — Вы должны бы знать, по-пра-
внѣ-мѣрѣ по вѣрности, сланнаго карлика
Джона Тика, шута королевы.

Альдо. — Очень радъ познакомиться; вы
найдѣны здѣсь своимъ умомъ.

Тика. — Да, у меня нѣтъ въ немъ недо-
статка, какъ можете заключить изъ моего
разговора.

Альдо. — Какъ же! а ослѣпись, наумель,
поражень!

Тика. — Вижу, что у васъ слишкомъ-много
вкуса, для поэта.

Альдо. — А вы слишкомъ-смыслъ для кар-
лика.

Тика. — Съ грубиянами я веду себя какъ
карликъ; они разговариваютъ кулаками, а это
не въ моемъ духѣ. Я пошу кружевыми ман-
жетами, это мой вкусъ.

Альдо. — Вы съ очень невѣрнымъ.

Тика. — И въ который халявъ всѣ дѣла.
Съ ними, милостивый государь, какъ съ людь-
ми умными, я становлюсь шестью футами
выше, потому-что на этой землѣ сражаются
равными оружіями.

Альдо. — То есть чтивостью. Впрочемъ,
вы можете положиться, не говорю на мой
умъ, но на мою чтивость. Позвольте узнать,
чему я обязанъ вашему визиту?

Тика. — Позвольте мнѣ съѣсть.

Альдо. — Съ удовольствіемъ, если вы не
спросите стула; у меня только и есть одна
скамейка, и я не привыкъ слушать стоя, что
проста меня выслушать.

Тика. — Я съ удовольствіемъ останусь на
стулѣ; здѣсь я совершенно одной высоты съ
вами.

Альдо. — Сердечно радъ.

(Салтитъ; вырываетъ садитъ противъ него верхомъ
на столъ.)

Тика. — Вы поэтъ, милостивый государь?

Альдо. — Нисколько.

Тика. — Правда? Прощу извинить... Я
принялъ васъ за нѣкотораго Альдо... рыцаря,
какъ называютъ его въ городѣ, и барда, какъ
говорятъ при дворѣ. Скажите, будто этотъ
молодой человекъ не безъ таланта.

Альдо. — Извините, милостивый государь,
у этого молодого человѣка не больше талан-
та, чѣмъ у васъ и у меня.

Тика. — Въ-самомъ-дѣлѣ? Очень жалко о
немъ. Я хотѣлъ предложить ему свои малень-
кія услуги.

Альдо. — Онъ предлагаетъ вамъ свои; какъ
извѣстно, въ чѣмъ онъ состоитъ, потому-что
вы знаете его ренессо. Позвольте и ему
спросить о васъжъ.

Тика. — Что до меня, вы видите... я
карликъ.

Альдо. — И шутъ! Но я все-таки не ви-
жу, какія услуги ваша свѣтлость соннозвонна
предложить жалкому поэту.

Тика. — Какъ я ни малъ, но у меня въ
каждой очень широкіе карманы; это мой фа-
нтазия, и въ свѣдѣствѣ подобной же фантазии
карманы, о которыхъ я имѣлъ честь сказать
вамъ, всегда набиты золотомъ.

Альдо. — Это фантазія, какъ-жъ много, онъ
не содержитъ въ себѣ ничего новаго.

Тика. — Вамъ, кажется, еще старѣе.

Альдо. — О чѣмъ вы говорите, милостивый
государь, о фантазіяхъ или о карманахъ?

Тика. — Я говорю о вашей фантазіи, о
вашемъ карманѣ, о вашемъ кошелькѣ, о ва-
шемъ кредитѣ. Попрѣйте мнѣ, никуда не го-
дится примѣчка — но имѣть на кошелькѣ.

Впрочемъ, не хотите ли достать денегъ? вы
пужаетесь въ нихъ.

Альдо. — Какъ-же вамъ: нисколько!

Тика. — Вы очень скромны. Я знаю ва-
ше положеніе, имѣнія, которымъ владе-
етесь, при своей старости, интрижесъ Мегъ,
ваша матушка. Предлагаю вамъ законный
выигрышъ... понимаете? Я пришелъ сюда
за тѣмъ, чтобы играть роль вѣдьмы; я
предлагаю вамъ совершить мѣту, торгъ,
который только увеличитъ вашу славу, и дастъ
вамъ средства помочь интрижесъ Мегъ.

Альдо. — Посмотримъ, что бы это было,
не хотите ли, чтобы я всталъ одну вашу
ногу въ фляжкетъ, а изъ другой сдѣлаю
реисе-дѣръ?

Альдо. — Я прошу у васъ бѣднѣю, ко-
торая стоитъ меньше даже, чѣмъ одна изъ
моихъ тощихъ ногъ, — именно маленькую
драму въ нашемъ родѣ.

Тика. — Даа кого? для театра королевы?

Тика. — Для меня, милостивый государь.

Альдо. — Для васъ? Что вы ставите дѣлать
съ нею? Вы не въ силахъ сънести ее.

Тика. — Я обѣгчу свои карманы, и по-
ложу вмѣсто золота вашу рукопись.

Альдо. — Прекрасно; а потомъ?

Тика. — Сочиненіе будетъ принадлежать
мнѣ. Я издамъ его, и поставлю на театрѣ
королевы.

Альдо. — Подъ чѣмъ именемъ, смѣю спро-
сить?

Тика. — Подъ пріятнымъ именемъ сэра
Джона Тика; я поставлю такъ для вашей
похвалы, чтобы пріобрѣсть довѣріе публики.
Если авторитетъ моего имени будетъ недо-
статоченъ для ся благосклонности, въ случаѣ
падѣнія пьесы, — вы будете жаловаться на
несправедливый приговоръ.

Альдо. — Объяснѣ имя настоящаго автора?

Тика. — Такъ дѣлается при нашемъ дворѣ.

Альдо. — Прекрасный обмѣлъ! Теперь я
прошу васъ оставить меня трудиться надъ
драмой, на которую я имѣлъ честь получить
ваше требованіе.

Тика. — Могу-ли надѣяться на ваше слово?

Альдо. — Порученіе ваше весьма-лестно.

Тика. — Не мѣшаю бы заключить наше
вѣе.

Альдо. — Очень радъ... (Писнетъ). Теперь
не угодно ли подписаться? Я подписываюсь.

Тика. — Позвольте сперва прочесть.
(Читаетъ). «Я, Альдо де-Мальморъ, называю-
щийся рыцаремъ въ городѣ и бардомъ при дворѣ,
обязуюсь выдѣлать знаменитаго Джона
Тика, карлика и шута королевы, изъ огня,
въ первый разъ, какъ только онъ переша-
гнетъ порога моихъ комнаты. Обѣ стороны, и
прочъ.»

Тика. — Bravo! bravo! вотъ первая сцена
драмы!

Альдо. — Предлагаю вамъ ее даромъ.

Тика. — Весьма-благодаренъ, и отнесу ее
королевы; она будетъ въ восхищеніи. (Соса-
ниваетъ со стола и убогаетъ). Ты со мной рас-
платишься!

Альдо. — И ты также, негодяй, если по-
падеши мнѣ подъ руку.

СЦЕНА II.

Альдо, одинокъ.

Однѣмъ врагомъ больше! и такъ продолжъ
мой жизни! Каждый день приводитъ ко мнѣ
новаго убійцу или вора. Несчастны! вы до-
ведете меня до нищеты, но не дѣлаю ку-
ните мою гордость. Этотъ глупецъ заставилъ

меня потерять цыгане полчаска; примется опять за работу. Ночью никто не помнит нас. Все заснуло в город и вокруг меня. Прогоняю эту новую нашествию; когда сапоги кривые, нечего было заварать перла, неcola черезъ травя. Стану писать.

Работать!... ить!... сочинять стихи!... почитать публичку! отдавать ей свой языкъ, выство книги, свое сердце жистю клавишней, чтобы кажимы играть вилъ, какъ ему вздумается, а потомъ бросить, сказавъ жотъ дрянная книга, жотъ дрянной инструментъ! Писать! писать! думать за дружку, чувствовать за дружку, низкая торговля душою! О, несчастье, несчастье! кусокъ хдбна, рабство, унижение! — Что делать? — Писать! о чемъ? У меня ить ничего въ мозгу, — все въ сердце! Надо было отдать сердце за кусокъ хдбна этой грубой публичке, этому чудовищу, которому насладятся муками, унижаются слезами и чернилами!... Въ душей мое ить ничего, кровей печали; надобно накормить тебя печально. Но, можеть быть, ты станешь сдаться надъ нею! Если моз лютая, смоченная и расстроена слезами, валдетъ звуки слабые, ты скажеть, но мои струны говорятъ ложь, что я не чувствую несчастья... тогда какъ голодъ, — это волежъ страданье, — тераетъ мою внутренность!... А я, человекъ съ умомъ и размышлениемъ, аишь, страдаю даже страдать благодарно! Голодъ души палитъ крикомъ невозможного желанья!... Если же въ часы тонительныхъ ночей пробуждается во мнѣ страданья болье возвышенныя, страданья, которыхъ я не постыдилъ бы, если бы могъ беречь ихъ только для себя, — и ихъ долженъ я собирать въ альбомъ, какъ рдкнцы, которыя можно нувать въ продажу, чтобы потомъ кунить ихъ какой-нибудь охотникъ для своего кабинета. Есть лавочки, гдѣ продуютъ обманья, черепаха, человѣчскія скелеты и змѣинову кожу. Душа поэта есть лавочка, куда заходитъ публичка покупать слезы и отчаяние; оишь требуетъ обманутаго честолюбия въ видѣ омы за богу стиховъ; другой спрашиваетъ обманутой любви въ форѣ ринкованной легини; третій хочотеть отъ энграммы, которая вымалась изъ сердца, нижногого тивговы. Блдный поэтъ! жадный охотникъ твою доскутокъ отъ твоего плачя, жадный охотникъ твою, какою была твоей кровя; и когда всакии прирвдъ твою одежду по своей тали, и избрываетъ силу твоихъ норкъ, разорванъ качество твоихъ поркъ, — тебѣ бросаютъ на-земь съ несколькими кружками монеть, чтобы вознаградить тебѣ за оскорбленя, и уходитъ, предпочитая тебѣ свои деркаки и глупая мысля. О, слава поэта, лавръ, общиданное безсердечье, ласное сочувствие, дѣтскія грушкун! какъ худо вы закрываете наготу нишато, покрытаго ранами. Самые жалкие изъ людей тѣ, которые могли бы жить иною работой, а сдѣлались публичными поэтами! Жалкие комеданты, которые могли бы играть роль людей, и становятся на помосты, чтобы свинтить и заставлятъ плакать дѣтляе; равнъ не можете вы жить въ гармоникъ собѣ, страдать, чтобы никто не заплакъ васъ, молиться, чтобы не видѣли заплакъ молить? Вы ищете арены для своего дѣтскаго желанья, ищете сочувствія своегожъ восторгу, страданьями! Сынъ египара, по неволѣ сдѣлалъ насѣдственному принаудню, исполняя жалкую и постыдную волю судьбы. Если оиъ восторгуетъ надъ нею, если возмывается надъ уровнемъ людей

обыкновенныхъ, хвала и честь ему. По вы, люди образованные, зачѣмъ вы собираете чувства себя народъ, высказываете ему свои чувства, и жалете его приговорю? Это а смелъ когда-то гериогу Букинзигу, который хотѣлъ узнать мое мнѣие о его стихахъ. Сужденіе мое такъ ему понравилось, что онъ вѣдѣлъ меня за дерь, и отдалъ у меня нѣкоторый пѣсонецъ, вѣнчанней мнѣй королевою въ память военныхъ заслугъ моего отца... Значитъ, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, должно бредить ринами, плакать, ить!... провалить свою мысль, любовь, ненависть, убжденіе, мучество, даже голодъ. Все это всенна годится для александрійскихъ стиховъ и можеть быть сюжетомъ драмы или поэмъ. Летите, летите, воровы, жаждущие моей крови! собирайтесь, коршуны! Вотъ Альмо умираетъ отъ усталости, скуки, нужды и стыда... О, бѣдность! я хотѣлъ сказать: Бездѣчье!... (Садается въ столу.) Вотъ и стала въ мой возлюбленной!... Я продалъ за три гиней романсъ изъ королевы Титанин; это гораздо выгоднее: любяна не заимѣла его, а у меня, между-тѣмъ, три гиней!... Герцогъ Норскій обидѣлъ мнѣ золотую цѣвь, еси яишину стѣну въ его любовномъ... Да, да! Мотыла — бронеята, худельная... Да, да! ты ить думать къ ней какъ немалъ душе; еси тоже всомнѣвалъ ить, какъ Жаннѣ!... Жанна! я продалъ твой портретъ, написанный моею рукою, а продалъ тайны красоты, открытой только мнѣ одному; я расказую ить, которую ты наполнила меня, продамъ прекрасную твою любовь и поэзи, создавшую для тебѣ, чтобы потомъ ее похорыла другую груду!... Гимны твою непорочной души подлиннакъ, какъ ароматный дымъ, на алтарѣ чуждаго божества. Женщина, которой я отдалъ румянецъ твоихъ щекъ, бѣлану твоихъ рукъ, этотъ нустой алды, который я украсилъ твоими червями курами съ золотомъ дѣданю, — плодомъ моего гиня, — женщина эта безъ стыда будетъ читать своимъ любовникамъ ставсы, посвященныя тебѣ!... Ну! не продамъ твоихъ красоты, моя Жанна, продаю любовь, которая полюбилъ мнѣ, а не мою любовь, не зная даже, что такое сердце поэта; ты не возгордилась моими похвалами, ты не поела моихъ стиховъ... Я сберегу ихъ для тебя! Можеть быть... на небесахъ ты будешь говорить языкомъ боговъ, и мнѣ отѣтшия, моя бѣдная Жанна!...

(Часы бьютъ полночь.)

Ужъ полночь!... Я не сдѣлалъ ничего, а усталость начинаетъ топить меня... Неужели и въ ночь пропадетъ, какъ другіи!... Ить, не стану долѣ откладывать. У меня не остается ни гиней, и мать будетъ голодать и забвуть завтра, если я засну въ эту ночь!... Я самъ голоденъ... начинаю забвуть... Не чувствую пера въ одеждѣхъ пальцахъ... Что со мною? Въ глазахъ темнѣетъ, неси мокры... Не уходи я плавать? Да, вотъ, ставъ думая о ней, и шъ зашѣлъ этого... Ты плакалъ, жалкій трусъ, ты ослабѣлъ, расказываясь себя печалью, тогда какъ ты могъ бы описать ее и оставить хдбна своей матери; а теперь ты встопица, какъ лавна передъ угрозою; ты бѣдненъ, какъ лавна передъ расквиткомъ... Третью ночь ты ходишь по коматѣ, чинишь перо... О, бѣсѣднѣ, агонія!...

(Встаетъ.)

Мужество, и ты оставлѣешь меня? Другая безурядица ко мнѣ спивно, мой гиней дѣвно удется и не чувствуетъ побужденій воли, сама жизнь, кажется, покинула меня; кровъ остановилась въ жилахъ, и страданья сведенныхъ нервовъ вырываютъ у меня крики. Все это случается часто, очень часто. Но ты, мужество, ты иногда еще не оставляла меня, ты поднимала столько тяжестей, украшала столько умасныхъ ночей, навязало меня столько горькихъ прирвдѣй! Вооружись, рабуши мои дѣланые кости, потки свои шпоры въ мои плурунные бока!

На-перку, иль моему головою слышныя стоны... Это моя мать... Она болна, можеть быть, ей холодно. Я оидѣл ее съюмъ пла шемъ... Большое у меня ничево ить... Да! вотъ еще камзолъ, чтобы закутать ей ноги.

(Поднимается по аѣсанью, а сходитъ въ одной рубашкѣ, дрожа отъ холода.)

Проклятый холоды!

Это проидеть... а ить!... Хотъ бы написать что-нибудь!... Пародичную нашествию надъ зимой и стужою. (Голосъ его слабѣетъ.) Сатиру на красные посы!... (Пауза.) Энграмму на носъ господина Н., всегда дилонный посылъ укина... (Пауза.) Пѣсню; всеосаго оивинишь мнѣ... А!... прокляте дѣланой мантин, которую плавать надѣлаетъ мнѣ на плеча!... Напишеть стихи... Прекрасный дѣкарбрий вѣтеръ, ты, который дуешь мнѣ въ голову, вдохнови меня!

— Мужъ великій, Котерборя...

(Пауза.)

«Что красенъ отъ вина...»

«Красенъ, это не идетъ...»

Хорошѣетъ отъ вина

Это прекрасно! Гѣмъ...

Да; мужъ великій, Котерборя, Хорошъ встаетъ изъ стола...

(Преметъ, проивоса невнятнымъ голосомъ.)

Мужъ великій, Котерборя

(Заспуть.)

Мѣгъ (полноту-закрываетъ одыломъ, а едотима еи коматы, и оцупило ибѣла одѣла стѣны.)

Менъ... Я адумала, что здѣсь еще огонь... адѣсь бржежеть свѣтъ...

(Натакываетъ на столъ.)

Альдо... Кто вѣдетъ? Не отѣчаешь?... Спокойной ночи... Если, прѣтель, ты воръ, и въ другое мѣсто; адѣсь только потерѣшь время.

(Снова заспуть.)

Менъ... Мнѣ послышалось, будто кто-то говоритъ; сегодня и оидѣла еще больше прѣждого... Не знаю, теише ли сегодня, только а худо вижу... Сынъ мой, кажется, не возвращался.

(Еще разъ заспуть.)

Альдо... Еще! любовный воръ, братъ по черту, ищи, сколько угодно... если вайдѣтъ гдѣ-нибудь въ тулу поому, потрудится отады мнѣ ес... Тебѣ оиъ не годится...

Мужъ великій, Котерборя!

Ты прѣрва...

(Заспуть.)

Менъ (букашка по коматѣ)... — Не знаю, гдѣ а!... Залѣе оиъ холодно; чѣмъ въ моей погетѣ... Милосердый Богъ!... Я хотѣлъ вайти печку, но естѣль въ ней хотъ колѣно?...

Если бы мой сынъ былъ дома, оиъ, прѣрайней-мѣрѣ, могъ бы утѣнить меня... Вѣрно оиъ ушелъ за чѣмъ-нибудь... Его нгдѣ не вайдю... Крутомъ все тихо... Ночь.

холод, молчанье, одиночество, старость, как вы печальны! Едва стою... сегодня во мне какая-то особенная слабость...

(Альдо поет во сн.)

Ах, великий Кентенбори!...

Мегз. — Когда моя подлабует: где бы есть в этих подлабах?...

(Падает.)

Альдо. — Грость! Блданна моя собака, не опать ли ты воротилась?... я подарил тебя Оскару, но, кажется, ты хочешь погостить со своим старым хозяином?... Гдѣ ты, о душень! из людей... я хотѣлъ сказать, лучшая изъ собак.

Мегз. — Какой хобаный поюз... Всемогущий Боже... Святая дѣво... я умираю, католичкой... дитя мое!... Альдо!...

(Умирает.)

Альдо (пронимаясь). — Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь кто говорил... Въ этотъ углу по слышались мое имя... Можеть быть, это привидѣлось... Воръ или собака?... кто бы ты ни былъ... Это былъ голосъ моей матери... Чѣ до пустяки! Она спитъ на-веру... А я не въ силахъ ты взглянуть на нее... Мнѣ странно!... Мнѣ показало во сн, будто меня прохладѣтъ прирвать.

Мнѣ слышался голосъ, какъ будто выходящій изъ могилы. Прирвать, вылавливалъ голодомъ, оставалъ меня! безумныя стѣны храните мое тайну; если выхъ болотной отголосокъ повторитъ кому-нибудь слова моего страха, я разберу васъ по камню... и вырву эхо изъ вашихъ нѣдръ, хотя бы они были изъ гранита... мать не ты ли звала меня? (слезы и протираетъ глаза). Мегз, мать моя! прости! я заснулъ, ослабѣлъ... я спалъ твой часъ!... Часы, кажется, съ насильно спрашиваютъ, что и сдѣлать въ это время? А ты спала, безумецъ... Могуъ поста выхотъ, какъ земля, а сердца богачей безумственны, какъ небо. Посмотрѣть, не лучше ли этотъ поюзъ сохранить меня отъ сна.

(Делаетъ разу на груди, вскрикиваетъ и впадаетъ въ комъ.) Теперь, слава Богу, я проснулся! эта пріятная рава порядочно горитъ. Наконецъ я могу работать... но кто опривнулъ мой стѣлъ? кто-нибудь забрался сюда. По неужели я еще боюсь?... Негодѣи, трусь? чтобы испугаться, ты промдѣл дѣишн крови, какъ будто у тебя осталось ея много! ты испортилъ рубашку, я какъ будто у тебя есть еще другая!... Негодѣи! когда ты бросишь аристарктическую рескошь?... Какая боль... холодъ пронизываетъ въ эту язву, какъ расклеванное желѣзо. Но что нужно; я могу работать. (Зарываѣтъ голову объятии рукавъ.)

Пондѣ подголосать мать свою; это привнесетъ мнѣ счастья. (Беретъ саблю и уходитъ.)

(Въ неуловимомъ видѣ сходитъ съ эстетичн.)

Гдѣ же старуха? кто украдъ мою мать? Только она въ цѣломъ мнѣ была виномъ моей печали, и поддерживала мое мужество.

(Находить свою мать на эстетичн.)

А!... мать моя умерла! (Поднимаетъ ее и смотритъ на нее). Да, умерла! холодна, какъ камень, какъ шуга... А! мать моя умерла!... (Хочетъ брызнуть слезами, и падаетъ въ позу слышн. Послѣ изумлѣнаго молчанья.)

Для чего ты умерла? ты торчалась раздѣлаться съ блванство! Развѣ я не берю тебя? Развѣ ты была недовольна мною? Развѣ я не трудился и беречь свой мозгъ?

Развѣ мои стихи были дурны, и важныя критики заставляли тебя краснѣть за своего негодоваго сына? Никогда, ты была сильнае чудомъ изъ своей деревн; теперь ты — блданный скелетъ съ обнаженными ногами! блданыя ноги! старыя кости! еще въ этотъ вечеръ я обернутъ васъ своимъ намозомъ! Развѣ я виновата, что подкалала была интересъ и вѣтерн толкъ?... Да, она была недовольна, какъ я. Добрая старуха моя! Я былъ седымъ изъ твоихъ сыновей, всѣ они были красивы и стройны, сильны и помы отваги, только я, послѣдній, не подхожу на нихъ. Это были сильные горы, сильные охотники на лавей; однакожъ, всѣ, начиная съ Дугада черного до Раюо красиваго, всѣ разошлись, не думая провидѣть тебя въ могилу. Съ тобой осталась только блданный Альдо. блданные дѣта твоѣ старости, слабый плодъ твоѣй послѣдней любви.

Чего не хотѣлъ оы сдѣлать для тебя? За чѣмъ ты не дала ему, какъ другимъ своимъ дѣтямъ, широкую грудь и мужественныхъ плечъ? Мога ли эта маленькая женская рука выдѣтъ оружіемъ бѣланта, или карабиномъ охотника? Мога ли она поднять тѣло, рыбакъ или боротца съ осетромъ? Ты не выдалась на меня, и, видя меня хилымъ, даже не хотѣла меня вымучить читать. И когда всѣ тебя оставили, не удивилась ли, что въ моемъ мозгу остались пѣсни нашихъ бардовъ! Когда этотъ нѣжный голосъ прелестно динихъ мелодій пронюлъ остальнымъ, горюхавъ, напоминыи имъ прошлое, напоминыи чувства давно забытыя, ты подбодлава своего сына въ любовь, — это свѣтленье гениа. Зачѣмъ жизнь не подождала еще нѣсколько дѣтъ? Можеть быть, пришло бы въ намъ богатство; старость твоа отдохнула бы въ дворѣ; но ты ушла въ другой мнръ, гдѣ я не могу ничего сдѣлать для тебя... Если ты повелѣшь на чистиняе, постараиъ, чтобы ружья моихъ братьевъ отворили тебѣ ворота неба... Но я не могу половѣть тебѣ. Твѣрмой уиъ можеть зарости всѣмъ тѣломъ легендарнаго Нинисава... Пора мнѣ отдохнуть; я довольно пострадалъ за тебя, старуха, блданный прирвакъ, для котораго я промѣлъ стѣлою холодныхъ ночей бѣе сна и плаща! Бѣзъ тебя я былъ бы — ничто. Для чего же ты покинула меня въ эту минуту, какъ я началъ быть чѣмъ-то? Ты отняла у меня заслуженную награду — видѣть тебя стѣланово, и ты умираѣшь въ самой несчастливый день нашей вичеты и моей усталости... Старая, высохшая грудь, восстанавля своихъ моголовнхъ несть челоувѣкъ съ печолвно, прииъ этотъ поцѣлуй упрена, целованъ и любон... (Рыда, впадая на нее). Узы! мать моя умерла!

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

(Умирает.)

Сейчасъ, въ безуми, я горю радостью, что, наконецъ, избавился отъ драгониднаго бремени. Но я молдѣю для смерти; не правда ли, Жанна? Выть можеть, не все еще кончилось для меня; будущее можеть являться прекрасіе прошлаго. Я хочу разбогачѣть, сдѣлаться сильнымъ, и если найду по-другу обманку и добрую, какъ моя мать, и къ те же время, молдѣю и сильную, чтобы переноситъ ли несчастья, прераснути и ижнкую, которая бы напоила меня сладостнымъ напитокомъ забвеня среди бѣдствій... для меня расквѣтѣтъ зеленая надежда, какъ распускается весенняя почва на вѣтви, оиѣвшеи аиномъ.

Жанна. — Любо вѣщи, которыя вы мнѣ расказываете! Хотъ ваши слова непонятны моему слуху, но, слушая ваши похвалы, я всегда жалко, что перело мною нѣтъ зеркала, чтобы уиричься: такъ ли я хороша, какъ вы говорите.

Альдо. — Кѣмъ, когда я люблю тебя такъ, какъ ты представляешься мнѣмъ глазами и моему слуху? Жанна. — У васъ всегда такія слова, что отрадно ихъ слушать; но какъ подумаешь о нихъ поспѣ, они носѣтъ непонятны, и только тревожатъ сердце.

Альдо. — Въ самомъ дѣлѣ, Жанна, я догадываюсь, что ты такъ расуждала. Знаешь, ты ищешь отчета въ моихъ словахъ и обдумываешь ихъ въ моемъ отсутствіи? Съ тобою надобно говорить осторожно!

Жанна. — Не должна ли я гордиться и радоваться, вспоминая о нихъ?

Альдо. — Прости меня, добрая и милая дѣвушка! Я несправедливъ; я былъ такъ несчастливъ! но ты уиришь меня, ты не правда ли?

Жанна. — Да, прекрасный мечтатель, если только вы согласитесь, чтобы я уишла.

Альдо. — Какою странной копросъ!.. Могу ли я не согласиться съ тобою?

Жанна. — Вы удивились моему желанію уиричь васъ; какъ надобно удивляться, Альдо.

Альдо. — Правда. Прости мнѣ этотъ маленкій гнѣвъ; оы просиходитъ неволью. Я не хочу предаваться смуг. Дай мнѣ, Жанна, свою руку и свое добріе. Клиньи мнѣ надъ трупомъ моей блданой старой подруги, которая болыне не существуетъ, что ты будешь жить для меня, для одного меня. Теперь я должеть найти поплору или умереть. Ты единственная и послѣдняя моя надежда; хочешь ли ты меня?

Жанна. — Если я дамъ обѣщаніе всегда любить васъ, обидѣтсе ли на мнѣ же невинность?

Альдо. — Вы сомнѣваетесь въ этомъ?

Жанна. Нѣтъ.

Альдо. — Но вы сомнѣвались.

Жанна. — Для чего вы отнимаете отъ меня свою руку? Зачѣмъ вы удаляетсе съ такимъ мрачнымъ видомъ? Развѣ я обидѣла васъ?

Альдо. — Нѣтъ.

Жанна. — Вы не хотите смѣричь на меня.

Альдо. — Я смотрю на васъ; только занимаѣтъ меня не ваша наружность; я смотрю въ ваше сердце.

Жанна. — Вотъ ужъ этого я не понимаю: но судя по вашимъ вакхурнымъ бровямъ, должно думать, что эти слова обидны для меня. У васъ несчастный характеръ, Альдо!

Альдо. — Вы холодите?
Жаана. — Да, и оттого страдаю.
Альдо. — Въ такомъ случаѣ не хочу быть
никогдѣ вашимъ страдальцемъ.
Жаана. — Я вамъ прощаю.
Альдо. съ яростью. — Очень добры!
Жаана. — Потому что люблю васъ; по-
старайтесь любить меня такъ же, и вы бу-
дете счастливы.

Альдо. — Навѣюсь. Между тѣмъ попу-
дите почитать соседка, чтобъ ей охлы-
тло милой матери.
Жаана. — Ну. Поцѣуйте меня.

(Альдо колдуетъ ицѣуетъ ее въ любовь.)
Альдо. олицъ.
— Эта дѣвочка удивительно глупа! Она
оскорбляетъ меня, и потому сама же про-
щаетъ меня, и принимаетъ отъ меня поцѣ-
луй, но прѣмичаю по холодитъ губы, что
это послѣдній! Но женщина — существо
чрезвычайно ограниченное. Я думаю, что
эта въ простотѣ души болѣе доступна тру-
ду, что впродолженіи вынуждена иногда
прекрасного. Но женщина женщина терже ла-
маня; въ сердцѣ женщины не послѣднй
какой-то чистоты. Она обаятельнѣе предъ
нравственностью и вѣрностью, требуетъ отъ
тебя того же; эта безстыдно просила плат-
вы, которая ждала у меня на губахъ, и ко-
торую хотѣла я дать, а не усугубить. «Ни-
чего даромъ», вотъ твой слеза, женщина,
обмань! Ты — только слово, тѣмъ мечта.
Тебя создалъ поэтъ; признакъ твой жи-
воты, можетъ быть, на себѣ. Мнѣ ка-
залось, будто я выдалъ тебя когда-
то въ облакахъ... Безумецъ, зачѣмъ я спусти-
лся на землю искать тебя?

Что же теперь мнѣ остается дѣлать? Я не
оплачиваю тебя, блудная мать, вы разстались
не надолго. Пустая жизнь хорошея твои
остатки; я соединюсь съ твоимъ душою. Я
долго медлялъ на краю пропасти. Что же я
трещалъ; что же удивляло тебя, Альдо?
Или страхъ, но тогда... Однажды, какъ дѣлалъ
ты свое минутку, когда, стоя на колѣняхъ, ты
просилъ эту дѣвушку хранить твою жизнь,
и отдать тебѣ свою? Ты никому ничего не
долженъ, а все таки хочешь жить... Ребе-
нокъ! ты въ слезахъ просилъ будущего,
просилъ любви. Ты просилъ ихъ у глухой
крестьянки, когда долженъ былъ искать ихъ
въ невѣдомомъ мѣрѣ. Кто тебѣ удажиле-
на? Сомнѣніе! Не лучше ли оно означива?
Тамъ — невѣдливость, а здѣсь — существован-
іе. Трудишь ли выборъ? Или же, Альдо,
кинься въ эти глубины волнъ!

Прощай, кровавъ, гдѣ я спалъ такъ душно
и прощай, грубой и золотой столъ, на
которомъ я писалъ влюбленные стихи! Прощай,
влюбленный лобъ моей матери, на кото-
ромъ я столько разъ съ безостовитіемъ вы-
тиралъ слезы страданій и послѣднія борябы
съ жизнью, готовый угаснуть; прощай обман-
чивае надежда на любовь; пора разорвать
сѣти, въ которыхъ ты такъ долго и смиенно
держала меня. Хочу возмизнать въ своихъ
глазахъ, и разбить бремя, отъ котораго кра-
сиво. Прости.

Выходитъ изъ дома въ рѣкъ и садится на
берегъ. Въ ту минуту пламлетъ мимо лодка,
объявляющая бѣдѣмъ.

Альдо. въ слезы. — Кто это бѣдливый
и красивый молодой человекъ? Онъ, кажется,
хочетъ кинуться въ рѣку.

Тильда. въ слезы. — Это мустой человекъ,
мужество, являющій глупецъ.
Альдо. — Я хочу знать его имя.
Тильда. Это рывачъ—Альдо.

Альдо. — Бардъ, котораго влюбленные
дѣвы звать, какъ гость дровнхъ пово-
товъ. Онъ успѣваетъ красотою своего ге-
нія только красотѣ своего лица. Я хочу го-
ворить съ нимъ.

Тильда. — Это человекъ безъ всякаго обра-
щенія и безъ участивости; онъ отвѣтитъ гру-
бостію на вашу милость.

Альдо. — Все равно; я хочу выдѣть его
въ лицо, слышать его голосъ. Вели направить
барку въ этой дѣтвннхъ.
(Тильда, вѣрчъ, отдаетъ приказанія. Барка оставлѣн-
вается у ногъ Альдо.)

Альдо. — Кто вы, и зачѣмъ остановились у
дверей этого бланного домика?

Альдо. — Я королева, и прѣѣхала къ
тебѣ.

Альдо. — Доброга ваша опоздала однимъ ча-
сомъ: домъ опустѣлъ. Мать моя умерла, и я
не переидъ черезъ порогъ его, хотя бы для
самой королевы Маѣ.

Альдо. — Какъ хочешь. Мнѣ нравится
твоя снѣдотъ. Войди въ мою барку.

Альдо. — Куда вы меня увезете?

Альдо. — Кататься.

Альдо. — А долго ли продолжится ваша про-
гулка?

Королева. — Не знаю.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I.

Королева, Тильда.

Галерея во дворѣ королевы.

Королева. — Довольно, вѣрникъ: ты сер-
дншь меня своими словами, и я не хочу слы-
шать о немъ душно.

Тильда. — Можете ли, ваше величество, подо-
рѣвать во мнѣ такіа преступленія? Госпо-
динъ Альдо такой великій поэтъ и благород-
ный гаверъ!

Королева. — Да, это прекраснѣйшій ге-
ніи и самое влюбленное сердце! Въ одномъ толь-
ко у ирекуго его, — въ непобѣдимой гордо-
сти.

Тильда. — Подъ вѣдомъ икорности, я
знаю, онъ скрываетъ ужасное самоубѣ-
іе.

Королева. — О, нѣтъ! ты ошибаешься!
У него только одно желаніе — быть люби-
мымъ.

Тильда. — Прекрасное и трогательное само-
убѣіе.

Королева. — Но у него оно неслѣпотно, и
лазе, иногда, утомительно. Каждое слово его
оскорбляетъ, каждый взоръ его ужасаетъ;
онъ ревнуетъ ко всякой тѣни: любовь его без-
поинна.

Тильда. — Любовь эта — тиранство, вой-
на на смерть, вѣчная борьба.

Королева. — Ты не знаешь, что говорншь.
Напротивъ, я упрекую Альдо въ томъ, что
онъ слишкомъ глубоко хранитъ въ сердцѣ
то, что, чтобъ жаловаться откровенно, вы-
свердоловчателъ страдалъ въ себѣ, предло-
жнваетъ ихъ, и, при всемъ этомъ самоубѣ-
іемъ, мужество, при всей вѣрности, онъ
сблѣтаетъ свою жизнь, тратитъ свое сердце,
онъ несчастенъ.

Тильда. — Блѣдный молодой человекъ! Ваше
величество, должны бы вѣтъ въ нему по-
больше состраданія.

Королева. — Однажды, на что онъ жа-
луетса? Сердце его несправедливо, умъ по-
ловъ несообразностей, страданій, но влюб-
ленныхъ никакой причины, и противъ кото-
рыхъ вѣтъ никакого лекарства. Чѣмъ я мо-
гу посылить его болѣзному мозгу? Я люблю
Альдо всемъ душою, и удачно отъ него не-
вѣла, какъ только могу; но истощенъ болѣ-
ннхъ находится въ немъ сломъ, и частно
вѣла какъ Альдо идетъ влѣтъ меня вран-
ный, блѣдный, я принимала его за ангела
печали.

Тильда. — Видъ человекъ вѣчно недо-
вольного долженъ быть весьма мучите-
льно для души такой благородной, какъ
ваша.

Королева. — Да, онъ не только печалнть,
но еще оскорбляетъ меня. Что можетъ быть
присорбнне, какъ желаніе утѣннть не утѣ-
нншаго? Это то же, что въ вѣствѣ молодости
и здоровья изуврату у постели полу-
мертвого, который колеблется между жизнью
и смертью.

Тильда. — Однажды, ваше величество
многимъ пожертвовала за него. На что же
можете онъ жаловаться? Развѣ ваше
величество не удалили для него герцога Су-
фольскаго, самую чудесную вѣзду нашего
двора?

Королева. — Да! великая жертва! Я такъ его
люблю!

Тильда. — Впрочемъ, онъ никогда не былъ
убоженъ.

Королева. — Нельзя сказать этого: онъ
былъ человекъ съ умомъ и прекрасными
своѣствами.

Тильда. — Великодушный, смѣлый, безо-
брыстный!

Королева. — Это не правда: онъ не столько
любилъ очарованъ моею особой, сколько своимъ
самомъ.

Тильда. — Это несчастье почти всѣхъ ко-
ролей.

Королева. — Но по-крайней-мѣрѣ мой поэтъ
любилъ только меня: вотъ что заставляеть
меня дорожить его любовью. Онъ едва зна-
еть, что я королева, и не ослѣпнлъ мнѣ
блженствомъ.

Тильда. — Но утѣрены ли ваше величе-
ство, что гордый поэтъ не ставитъ себя
выше короля?

Королева. — Давно поэтъ — самая пре-
красная корова. Мнѣ нравится, когда самый
высокій умъ сознаетъ, что онъ есть, и чѣмъ
онъ можетъ быть. Такнмъ образомъ онъ про-
изводитъ великое.

Тильда. — Я тоже думаю, что для Альдо на-
значена высокая участь. Онъ достоинъ по-
вѣлять людямъ, и одно слово вашего величе-
ства могло бы поднять его на истинно
высоту, для которой онъ рожденъ.

Королева. — Если бы я не знала, Альдо-
любный Тильда, что ты глубокой глупицѣ, я
сказала бы, что ты совершеннѣйшій глупецъ.
Какъ! Ему быть мнѣмъ суровымъ глупцомъ? Ему ш-
рствовать! До снхъ-поръ скитаться не класса
мнѣ титотомъ. Притомъ, никто не знаетъ лю-
дей такъ душно, никто не создаетъ идея
столь ложныхъ, неисполнимыхъ, какъ Альдо.
Оставь меня, Тильда, ты сегодня не въ своемъ
умѣ.

Тильда. уходя. — Очень удачно я успѣлъ
рассерднть ее; я былъ напередъ утѣренъ.

Акропротинесъ.—Потому-что ночь очаровательна, и вы не увидите прекраснѣйшаго изъ звѣздныхъ лучей, какова давно не было у васъ.

Аидо.—Сегодня затмѣнне луны?

Акропротинесъ.—Полное. Ни облака въ небѣ, и она будетъ такъ видна, что удивляюсь, какъ стрѣлила человекъ такого равнодушія къ этому важному явленію.

Аидо.— Развѣ это любовно для меня?

Акропротинесъ.— Пойдите на гору Лего, и я объясню вамъ.

Аидо.— Очень благодаренъ. Я не расхожусь ни на, и лучше хочу заколоть себя шпагой.

Акропротинесъ.—Дѣлайте, что вамъ угодно и не стѣснвайтесь для меня. Однакожъ, мнѣ очень бы пріятно было раздѣлитъ съ вами прогулку.

Аидо.— Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ? Удешеніе горюда удобнѣе для ученыхъ вычисленій. Я — бѣдный поэтъ, не способный разсуждать о такихъ важныхъ предметахъ.

Акропротинесъ.— Мнѣ всегда пріятно быть съ поэтами: они весьма умные наблюдатели природы, и хотя небольшие мастера для классификацій, но за то много чистоты въ ихъ наблюденіяхъ. Они ухватываютъ ясно охватить нѣтъ и форму, и часто замѣчаютъ отбѣны почти неуловимые для насъ. Я уверяю, что вы покажете мнѣ вещи, о существованіи которыхъ я знаю, и которыхъ, однакожъ, не могу наблюдать простыми глазами.

Аидо.—Ученые тѣ же поэты; нѣмъ не нужно, какъ намъ, наблюдать, чтобы видѣть. Они знаютъ столько вещей, что могутъ рисовать природу, не смотря на все, точно такъ, какъ рисуютъ на canvas портреты своей любовницы.

Они могутъ открыть вамъ многія тайны, которыми искусство пользуется. Искусство богата одежда, которая облекаетъ натуру красоту полъ надзорю науки. Мнѣ жаль, почтенный докторъ, что я жаль такъ долго съ вами полъ одной проволки и не пользовался бесцѣно съ вами.

Акропротинесъ.— Если нѣтъ крайней необходимости, чтобы вы лишали себя жизни сегодня, такъ мы могли бы отнаться вмѣстѣ на гору Лего. Мы посмотримъ бы на затмѣнне луны и поговорили бы о разныхъ предметахъ; вѣдь вы можете возвратиться и умереть еще прежде, чѣмъ встанетъ корыбель.

Аидо.— И то правда. Дайте мнѣ вашу телескопъ и пойдете вмѣстѣ. Вы ознакомите меня со многими вещами, которыхъ я не знаю. Я распрошу васъ о любви планетъ, о силѣ инстинкта, о силѣ, которую луня развиваетъ въ повоить на нѣтъ. о шорохѣ, который вдувается въ нѣтъ. Слышали вы этотъ пронзительный голосъ, который беспрестанно раздается на горизонтѣ и который такъ продолжительно, ровенъ и однороденъ, что его часто принимаютъ за молчаніе?

Акропротинесъ.— Я именно объ этомъ предметѣ написалъ небольшое разсужденіе; но чтобы вы его вполнѣ поняли, надо отделиться отъ существованія міра и углубиться въ астрономическіе вопросы, которыхъ вамъ, можетъ быть, не поврятся.

Аидо.— Астролябия! О широты, любовный докторъ. Я радъ узнать все-что изъ этой удивительной науки. Я часто объ ней думалъ,

и еслибъ не мысли, которыми постоянно было занять мой умъ, я бы охотно принодилъ уголокъ покрову, скрывающему отъ меня эту таинственную Ниладу. Кто знаетъ! Можетъ быть человеческая слабость состоитъ въ этихъ безвѣстныхъ глубинахъ тайны счастья, за которыми напрасно гонятся на землѣ? Безпрестанно вопрошать и разбирать земные предметы спорю утомляетъ и прескучаетъ... и еслибъ я могъ рѣшиться...

Акропротинесъ.— Пойдите со мной, любимый сынъ! Станемъ хорошо наблюдать за луною.

Аидо (вздыхая плочу въ носикъ).— А что, мы высоко взойдемъ на гору?

Акропротинесъ.— Сколько достается силъ. Вы говорите мнѣ о тѣнѣ, которую луня развиваетъ на растенія... Виванте-инъ, сынъ мой, растительное царство, во всѣхъ классификац...

(Уходить, разговаривая.)

конекъ.

Перевелъ И. К.

ДАГЕРРОТИНЪ.

ЛѢТКА ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА КАСАТЕЛЬНО ТЕАТРА, ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ.—ЛИТЕРАТУРНЫЯ СЦЕНА, ВОДЕВИЛЬНЫЕ КУЛЕТЫ, ПАРОДИИ.—ДОСТОПРИМЧАТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА.—БОГОУМЪ НЕВѢСТНЫХЪ ДЕВУШЪ И НАСТАВТЕЛЬНЫЯ ПРИТЧИ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

—

ПАУКЪ И МУХИ.

ВЕЛИКІЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ОТЪ МАЛЫХЪ ПРИЧИНЪ.

—

Русскій аполонъ М. О — ва.

—

Во всѣхъ великихъ произведеніяхъ, начинающъ отъ волевила до раздирательныхъ трагедій, и отъ простаго разсказа до романа, если гдѣ нужно бываетъ, ни на время, ни навсегда, разлучить герою произведенія, до тѣхъ поръ обыкновенно дѣляютъ разлучники богатыхъ ядушекъ. Но чѣмъ замѣстятъ богатаго ядушку тамъ, гдѣ его не можетъ быть, когда, напримеръ, дѣйствіе происходитъ въ какомъ-нибудь маленькомъ городѣ, и еще меньшемъ домѣ? Въ одно прекрасное утро я долго размышлялъ, что если вѣсто ядушки изберу какое-нибудь маленькое, то не погрѣшу противъ обыкновенной роли, двасной богатымъ ядушкамъ, и послѣ уложенія, драматической борьбы, рѣшился на смѣлое нововведеніе.

Волею равный великія умать, однажды рѣшиться на что-ядушку, я никогда не отступалъ отъ принятаго намѣренія, и теперь

разскажу вамъ повѣсть, какъ видите, совершенно въ новомъ родѣ.

Въ одно прекрасное утро, когда сонне великолѣпно освѣдало вронимъ домомъ некотораго городка, ни какъ дождь зилъ, какъ изъ недра съ сѣраго неба, заставшаго, началосъ, навсегда отъ насъ лучи благодѣтельного солнца, — такъ повторю, въ одно прекрасное утро сидѣлъ въ маленькомъ домикѣ дѣт старушки, и за вивантемъ усердно разговаривали. Одна была хозяйка, другая гостья. Анна Лукунинна и Лукерья Сергѣевна, были между собою сосѣдки и жили очень дружелюбно. Ихъ еще больше сдружила обилии ими развитая мысль — обвинять сына Лукерья Сергѣевны—Петра и дочку Анны Лукунинны—Полю. Лукерья Сергѣевна замѣтила за сынокомъ своимъ, что онъ ходилъ въ ядуку, всегда смотрѣлъ на окошко Поли, и долго послѣ оглаждался, а Анна Лукунинна замѣтила за Полей, что она, съ-тѣхъ-поръ, какъ только весною выставилъ окна, стала всегда, какъ проидетъ Петръ, высовываться изъ окна и провожать его глазами за уголъ, — и не говоря ничего, объ этихъ наблюденіяхъ Атамъ, чтобы не показатъ, что поощряютъ самовольный ихъ выборъ, онѣ порывали между собою женить ихъ, а только отложили свадьбу до осени, чтобы подемеемъ сыграть ее. Больше сказать мнѣ объ нихъ нечего.

Разговоръ неуловившихъ сосѣдокъ былъ такъ прозраченъ и обыкновененъ, что я его рѣшился передать читателямъ только для того, чтобы они видѣли послѣ, какъ онъ нечаянно былъ прерванъ.

— Я перестала у него брать муку, говорила Анна Лукунинна.—Всегда три копейки на нудъ лишнюю.

— Теперь собираетъ себя на свадьбу, на дары своей невѣстѣ.

— И такъ богаты, да и что-то умъ чертучуръ.

— Я тоже всегда думала: отъ-чего онъ такъ разбогатѣлъ? Торговалъ все детствомъ да мукой, а домомъ закупилъ! Теперь у него три дома.

— А развѣ-что торговалъ у Аларова, кушнѣхъ?

— Кушнѣхъ, кушнѣхъ... Не дай Богъ!.. Если не добрымъ пришло въ нему богатство, такъ не добрымъ и утечетъ.

— Слышала я... Да Богъ съ ними, не наше дѣло!..

— Понесся, нечего сказать, понесся... А все мукой да детствомъ не перестаетъ торговать. Всѣмъ, видишь ты, разсказываютъ, что выгодно всего детомъ.

— Видь я маленькаго его знала. Такой былъ воршнѣхъ...

Я примѣчалъ, что во всѣхъ повѣстяхъ и романахъ, вводимые разговоры дѣйствующихъ лицъ непремѣно солидствуютъ авантажъ или развѣстѣ сочиненія, какъ будто бы въ нихъ лица, какъ скоро слышались дѣйствующими, то и не должны говорить ни о чемъ постороннемъ. Я всегда это считалъ стѣсненіемъ, недостаткомъ терпимости, и вѣроваль, что на томъ свѣтѣ утѣшится всѣмъ авторамъ повѣстей и романовъ,